

БРИКС нужно больше гибкости, чтобы продвигать новые идеи, считает российский экономист

Пока лидеры БРИКС встречаются в Нью-Дели, российский экономист Ярослав Лиссоволик анализирует застопорившуюся программу дедолларизации, экономический разворот ШОС и причины, по которым именно отсутствие консенсуса теперь может стать главным препятствием для этого объединения.

Марко Фернандес

сбт 12 сен 2026 20 мин. чтения

Примечание редактора: Эта статья публикуется с прямого разрешения автора — Марко Фернандеса (*Brasil de Fato*).

Экономист Ярослав Лиссоволик хорошо знаком с внутренним устройством мировой финансовой архитектуры. Он начал карьеру на финансовом рынке в конце 1990-х годов в Renaissance Capital — тогда ведущем инвестиционном банке России, — а затем перешёл в Международный валютный фонд (МВФ), где работал советником исполнительного директора от России Алексея Можина. Не достигнув и 30-летнего возраста, Лиссоволик уже принимал участие в работе Исполнительного совета МВФ. Выпускник Гарвардского университета, Лондонской школы экономики и Московского государственного института международных отношений (МГИМО), он совместно со своим научным руководителем стал соавтором одной из первых комплексных книг, посвящённых вступлению России во Всемирную торговую организацию (ВТО).

После работы в МВФ Лиссоволик перешёл в Deutsche Bank, где около десяти лет занимал должность главного экономиста по России и странам Содружества Независимых Государств (СНГ). Это был период, когда ещё сохранялась вера в возможность выстраивания экономических мостов между Западом и Россией, — эпоха, завершившаяся после присоединения Крыма в 2014 году. Затем он работал в Евразийском банке развития и Сбербанке — крупнейшем банке России, где возглавлял подразделение инвестиционных исследований.

В 2023 году он основал *BRICS+ Analytics* — консалтинговую компанию, занимающуюся разработкой предложений для БРИКС и стран Глобального Юга. Именно Лиссоволик в 2017 году опубликовал статью, в которой впервые предложил концепцию R5: использование национальных валют пяти стран БРИКС в операциях Нового банка развития (НБР) и региональных банков. Эта идея впоследствии стала отправной точкой для широкой дискуссии о создании общей валюты.

Интервью **Brasil de Fato** состоялось 2 сентября — за десять дней до саммита БРИКС в Нью-Дели (Индия) и на следующий день после завершения саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Бишкеке (Кыргызстан).

Читайте интервью

Brasil de Fato: На прошлой неделе в Бишкеке прошёл саммит ШОС. Организация приобретает всё больший вес, а президент Владимир Путин подчеркнул, что товарооборот России со странами объединения достиг 400 млрд долларов, причём 98% расчётов осуществляется в национальных валютах. Можно ли говорить о том, что ШОС постепенно превращается в экономическую платформу? Как вы оцениваете итоги саммита?

Ярослав Лиссоволик: Вы совершенно верно выделили ключевое направление развития ШОС — её постепенное превращение в экономическое объединение. Изначально организация делала основной акцент на вопросах безопасности, что было вполне объяснимо в тех условиях — 25 лет назад. Сегодня же экономические потребности огромны. С каждым годом всё более очевидными становятся ограничения, с которыми сталкиваются экономики региона в сфере экономической интеграции и торговли.

В результате экономическая повестка стала выходить на первый план, что нашло отражение и в событиях прошлого года, в частности в дискуссиях о создании банка развития. Когда процесс институционализации начинает приобретать конкретные очертания и формируется более основанная на правилах, предсказуемая и жизнеспособная система, мы видим всё большую поддержку со стороны деловых кругов, инвесторов и финансовых рынков.

Поэтому меня не слишком беспокоит, что в этом году прогресс в вопросе создания банка оказался не столь заметным. Предстоит решить ещё множество вопросов. Лучше потратить немного больше времени, чем допустить ошибки уже на самом старте. И, думаю, одним из ключевых вопросов может стать выбор места для штаб-квартиры [Кыргызстан и Казахстан предложили разместить банк у себя].

26-е заседание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) прошло с 31 августа по 1 сентября 2026 года в Бишкеке, Кыргызстан.

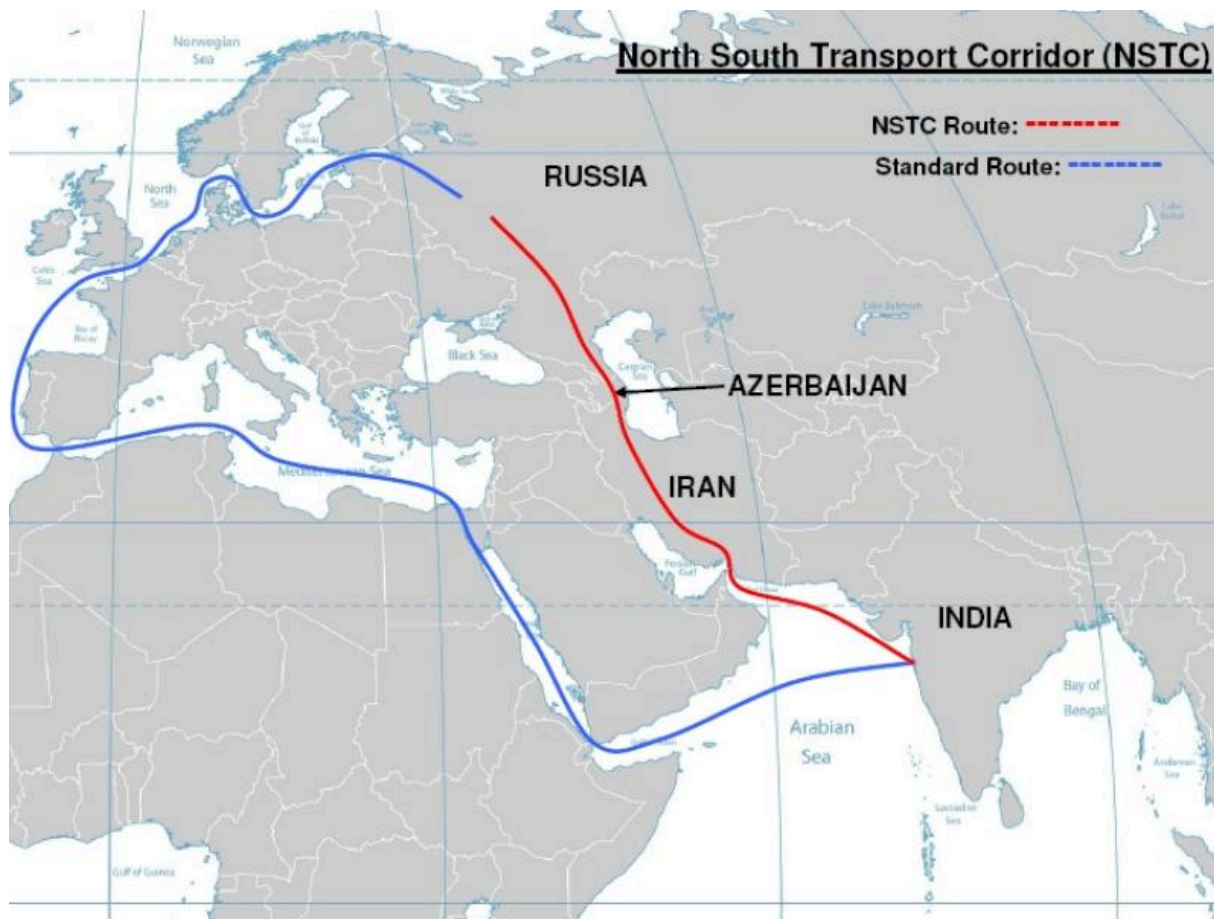
image

Я убеждённый сторонник географической диверсификации международных институтов там, где это возможно. Нам необходимо отойти от западной модели, при которой один-два города фактически олицетворяют всю систему глобального управления, и сделать так, чтобы в ней были представлены все регионы мира. Пора это изменить. Этот вопрос уже находится в повестке дня, обсуждается, и прогресс в этом направлении, безусловно, будет.

На саммите было подписано 28 соглашений. Какие из них особенно привлекли ваше внимание в итоговой декларации?

В итоговых документах были упоминания о работе в финансовой сфере — в частности, о расчётах в национальных валютах, а также о проектах транспортной связанности, связанных с основными коридорами. Наиболее важным из них в данном случае является международный транспортный коридор «Север — Юг».

Я с большим оптимизмом воспринял то, что среди принятых документов оказались дорожные карты стран-участниц по проектам, проектные портфели и инициативы в сфере транспортной и инфраструктурной связанности. Всё это начинает приобретать системный и проектный характер: становится меньше риторики, больше конкретики и опоры на реальные проекты.

Международный транспортный коридор «Север — Юг». Источник: Wikimedia Commons.

Что касается торговли, здесь сохраняется та же модель, что и в БРИКС+: основной акцент делается на двусторонних соглашениях, в рамках которых две страны договариваются о конкретных целевых показателях товарооборота и затем работают над их достижением. Так происходит и в случае России, и Бразилии, и практически всех остальных стран. Добиваться более высоких показателей таким способом вполне допустимо: эта модель, судя по всему, работает и приносит результаты. Однако более быстрым путём могла бы стать дорожная карта торговых соглашений, объединённых в рамках общих платформ. Это позволило бы создать гораздо более системную и предсказуемую структуру.

Я бы предпочёл формат торговых соглашений «ШОС+», который охватывал бы не только полноправных членов организации, но также партнёров и наблюдателей, а кроме того — евразийские интеграционные объединения и региональные блоки, такие как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Подобный формат становится всё более очевидным: Китай плюс ССАГПЗ, Китай плюс АСЕАН — и всё это вполне можно было бы интегрировать в рамки «ШОС+».

Формирующееся долгосрочное видение заключается в том, чтобы превратить «ШОС+» в евразийскую платформу сотрудничества стран Глобального Юга, объединяющую всех ключевых участников и служащую площадкой для консолидации институтов развития, интеграционных объединений и проектов в сфере транспортной и инфраструктурной связанности.

Вы назвали транспортную связанность одним из двух ключевых вопросов экономической повестки и особо выделили среди упомянутых в декларации проектов коридор «Север — Юг». Этот маршрут соединяет порт Мумбаи с Ираном, а далее по железной дороге и через Каспийское море идёт до Санкт-Петербурга, значительно сокращая путь, который сейчас проходит через Суэцкий канал. В нём участвуют как раз три страны, представленные на обеих площадках: Россия, Иран и Индия входят и в ШОС, и в БРИКС. Что это, на ваш взгляд, означает?

Это означает, что взаимодействие между двумя объединениями вполне возможно. Мы уже видели, как Новый банк развития (НБР) совместно финансирует проекты с региональными банками, например с Евразийским банком развития. То же самое вполне может происходить и с банком ШОС, когда он начнёт работать. ШОС определённо должна быть вовлечена в развитие коридора «Север — Юг», поскольку вопрос альтернативных торговых маршрутов — это важнейшее звено, которое могло бы ещё теснее связать ШОС с БРИКС+.

Сегодня четыре страны являются полноправными членами обоих объединений: Россия, Китай, Иран и Индия. Если учитывать также партнёров, наблюдателей и другие категории участия, то в обеих структурах в общей сложности представлены одиннадцать стран.

Это очень позитивный фактор. Такие пересечения создают мосты, позволяют укреплять связи и расширять сотрудничество. Раньше считалось, что подобное совпадение состава участников ведёт к дублированию и создаёт проблему, однако это не так. Напротив, для стран Глобального Юга это полезно, поскольку открывает возможности для расширения проектов и платформ.

Такое пересечение повышает перспективы создания общих платформ на основе региональных интеграционных объединений — например, предложенной мной платформы «Beams», которая объединяет Инициативу стран Бенгальского залива по многоотраслевому техническому и экономическому сотрудничеству (BIMSTEC), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Африканскую континентальную зону свободной торговли, МЕРКОСУР и саму ШОС. Получается своего рода конструкция «BRICS and Beams» — «БРИКС и балки»: два ключевых элемента, из

которых строится общий каркас. Время покажет, но мы медленно, хотя и уверенно движемся к модели, в которой строительными блоками таких платформ становятся уже не только отдельные государства, но и региональные объединения.

А ШОС станет своего рода хребтом, абсолютно ключевым связующим звеном всего этого масштабного проекта, который называют Большой Евразией. Я бы назвал его «ШОС+».

Перед выборами президент Дональд Трамп, в очередном приступе откровенности, заявил, что утрата гегемонии доллара была бы для Соединённых Штатов равносильна поражению в Третьей мировой войне. Сегодня много говорят о государственном долге США в размере 40 трлн долларов и, например, о росте торговли в национальных валютах между Китаем, Россией, Индией и Бразилией. В то же время в 1999 году на доллар приходился 71% мировых валютных резервов, а сегодня — 57%. Однако лишь небольшая часть этого снижения на 14 процентных пунктов действительно пришлась на страны Глобального Юга: юань, который тогда вообще не был представлен в мировых резервах, сегодня занимает в них почти 2%. Основная же часть перетока пришлась на валюты Австралии, Канады, Южной Кореи и стран Северной Европы, тогда как доля евро практически не изменилась. Почему это происходит и почему эта доля в большей степени не переходит к экономикам стран БРИКС? Чего нам всё ещё не хватает для дальнейшего продвижения по пути так называемой дедолларизации?

Если и есть сфера, в которой БРИКС пока не хватает достаточной силы, то это финансовые рынки. Необходимо развивать альтернативы. Нам нужны платёжные и финансовые системы, которые были бы доступными и прозрачными для инвесторов, институциональных инвесторов и центральных банков. Нужны рыночные инструменты и механизмы, которые помогали бы повышать их узнаваемость и востребованность.

Это также связано с тем, насколько успешно решается вопрос контроля за движением капитала. По мере того как экономики стран БРИКС работают над этой проблемой, важно делать это скоординированно, стремясь взаимно укреплять позиции друг друга с точки зрения доступности своих активов в качестве потенциальных резервных инструментов для мировой экономики. На данном этапе совершенно очевидна тенденция к диверсификации резервов и снижению зависимости от доллара. Это долгосрочный тренд, и те, кто сумеет занять выгодные позиции и воспользоваться им, в конечном счёте получат преимущества.

До сих пор основные выгоды от этой тенденции получают другие развитые экономики, поскольку у них уже существует необходимая финансовая инфраструктура, а их валюты в той или иной степени выполняют резервную функцию. Поэтому вполне закономерно, что валюты, ранее использовавшиеся в меньшей степени, начинают играть более заметную роль — например, швейцарский франк или канадский доллар. Однако крупнейшие развивающиеся рынки также находятся в хорошем положении, чтобы получить свою долю от этого перераспределения, которое только начинается.

Это необязательно должна быть единая валюта, хотя, на мой взгляд, валюта БРИКС могла бы стать одним из инструментов, способных выполнять такую роль. Это могут быть и национальные валюты. Однако в таком случае одним из пунктов повестки дня должно стать смягчение ограничений на движение капитала.

А кто ещё, помимо Китая, сегодня сохраняет ограничения на движение капитала? Я склонен согласиться с аналитиками, которые считают контроль за движением капитала одним из секретов успеха Китая в последние десятилетия.

Жёсткие ограничения действуют в Индии и, конечно, в России — особенно в последние годы. Бразилия, напротив, представляет собой противоположный пример: там таких ограничений нет. Если мы говорим о координации макроэкономической политики, этот вопрос должен стать частью повестки БРИКС.

Руководящий принцип МВФ, применявшийся почти ко всем его странам-членам, долгое время заключался в том, что отсутствие ограничений на движение капитала считалось положительным фактором. Однако примерно десять, а точнее почти пятнадцать лет назад Фонд изменил свою позицию — после критики со стороны стран Юго-Восточной Азии, пострадавших от кризиса 1997 года. Сегодня преобладает точка зрения, что ограничения на движение капитала могут быть частью набора инструментов экономической политики. Это не означает, что их следует бесконечно усиливать: либерализация возможна, но она должна происходить постепенно, чтобы не допустить чрезмерно волатильного и масштабного оттока капитала, способного нанести серьёзный ущерб. Именно такого подхода придерживается Китай, и его также рассматривают другие страны БРИКС.

В России всё делалось по старой схеме: мы отошли от советской системы ограничений, сохранили некоторые из них в 1990-е годы, а начиная с 2000-х полностью их отменили. Это привело к огромным дисбалансам в потоках капитала

и значительному притоку спекулятивных средств. И даже тогда, ещё до серьёзных геополитических потрясений, уже обсуждалась необходимость вновь ввести определённые ограничения.

Ограничения в той или иной форме сохраняются. Но идея состоит в том, чтобы постепенно смягчать их, тем самым обеспечивая финансовым инструментам стран Глобального Юга более заметное и выгодное положение в международной финансовой системе.

Вы упомянули, что другие развитые экономики уже занимают свои позиции. В чём именно это проявляется?

Часть снижения доли доллара приходится на такие активы, как золото. Но очевидно, что развитые экономики за пределами США понимают направление этих тенденций и стремятся извлечь из них выгоду. Они будут делать всё возможное, чтобы максимально эффективно использовать уже имеющееся у них преимущество — в частности, для увеличения доли своих валют и финансовых инструментов в мировой финансовой системе.

Мы начинаем видеть, как малые и средние по размеру развитые экономики создают собственные платформы. Одна из них — «Партнёрство ради будущего инвестиций и торговли» (*Partnership for the Future of Investment and Trade*, FIT), созданное в сентябре 2025 года Сингапуром, Швейцарией, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Новой Зеландией. Сегодня оно уже объединяет 19 стран. На данный момент это один из наиболее динамично развивающихся блоков мировой экономики.

Речь идёт не только о торговых соглашениях, но и об инвестиционном партнёрстве. И это вновь выводит на первый план малые развитые экономики, которые теперь могут существенно увеличить свою долю рынка на фоне всё более серьёзных рисков, затрагивающих Соединённые Штаты. Для мировой финансовой системы это огромная возможность — и странам БРИКС+ нельзя её упустить.

Любая задержка на этом направлении имеет значение. В случае банков развития, ориентированных на долгосрочную перспективу, вполне допустима пауза даже на год, чтобы урегулировать разногласия. Но здесь ситуация иная: процессы развиваются очень быстро. Доли на рынке кардинально меняются буквально за несколько лет — такого мы не наблюдали уже десятилетиями.

Думаю, Китай это понимает. И именно поэтому, как мне кажется, он иногда выбирает подход, ориентированный прежде всего на продвижение собственной валюты. В определённой степени это понятно. Однако если БРИКС+ будет

действовать как единая группа и продвигать совместные инициативы и проекты, это могло бы ускорить процесс.

В 2023 году на саммите в Йоханнесбурге (ЮАР) министрам финансов и главам центральных банков было поручено изучить возможные альтернативы, связанные с использованием национальных валют, платёжных систем и даже потенциальной единой валюты. Об этом решении официально объявил президент Лула. В 2024 году Россия представила доклад, содержащий множество новаторских предложений. После этого ничего не произошло. Почему эта дискуссия застопорилась именно в тот момент, когда геополитическая ситуация настоятельно требует альтернатив?

Одним из факторов стал геополитический шок, исходивший от Соединённых Штатов, от Трампа, который начал весьма жёстко давить на БРИКС, особенно в финансовой сфере. У некоторых стран-участниц это вызвало почти рефлекторную реакцию — попытку понять, как адаптироваться к такого рода потрясениям.

Но есть и другой аспект: вся структура БРИКС строится на принципе консенсуса. И, на мой взгляд, этот принцип уже начинает превращаться в препятствие.

Я написал несколько статей о необходимости плюрилатерального подхода, который позволил бы трём, четырём или пяти странам заключать соглашения между собой, а остальным участникам БРИКС — присоединяться к ним позднее, не препятствуя развитию выбранного курса. Именно по такому принципу сегодня развиваются многие конкурирующие объединения.

Возьмём, к примеру, FIT: его главное преимущество как раз и заключается в том, что он работает на плюрилатеральной основе. Причина, по которой число участников выросло с 14 до 19 стран менее чем за год, состоит в том, что они понимают: внутри этой платформы можно реализовывать практически любые проекты с теми партнёрами, с которыми они считают нужным сотрудничать. Здесь нет жёсткого права вето, способного заблокировать всё. Именно такую гибкость БРИКС и необходимо перенять.

Внутри БРИКС уже существует понимание того, что консенсус необходим как основа для согласия по фундаментальным ценностям и ключевым вопросам. Это посылает важный сигнал внешнему миру, и само по себе это положительный момент. Однако в структуру БРИКС+ необходимо встроить определённую гибкость, чтобы допускались плюрилатеральные соглашения. В декларации саммита 2024 года в России уже появились первые признаки такого подхода: там упоминались проекты, инициированные отдельными заинтересованными

участниками, в то время как остальные позволяли им развиваться. Но необходима не одна-две формулировки в итоговой декларации, а чёткая, основанная на правилах система, которая прямо допускала бы подобные соглашения.

Тогда мы, вероятно, увидим множество «троек», множество «четвёрок» и самых разных групп — и это сделает работу БРИКС гораздо более динамичной. Мы начнём видеть, что БРИКС действует не только от саммита к саммиту, когда новости появляются раз в год, а на постоянной основе. И для этого даже не обязательно создавать штаб-квартиру или секретариат.

В 2026 году председательство в БРИКС перейдёт к Индии, однако сам министр иностранных дел Джайшанкар уже заявил, что страна не заинтересована в так называемой «дедолларизации». Можно ли в таком случае ожидать какого-либо прогресса в этом направлении в нынешнем году?

Думаю, внутри самой Индии существуют разные группы с различными приоритетами. Иногда на первый план выходит внешняя политика, а иногда — сугубо экономические интересы одной из крупнейших экономик мира, которая наконец начинает играть более заметную роль в международных финансах и стремится к тому, чтобы её валюта занимала более значимое место на мировой арене.

В конечном счёте, я думаю, этот фактор возьмёт верх над любыми кратко- и среднесрочными соображениями. Индия, безусловно, постепенно будет двигаться в сторону диверсификации валют стран Глобального Юга и более широкого использования национальных валют. Если посмотреть на риторику последних лет, видно, что сама дискуссия уже заметно изменилась. Даже созданная в Индии система Unified Payments Interface — UPI, своего рода «индийский Pix», — сегодня широко используется по всей стране.

«Мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы каким-либо образом подрывать позиции доллара», — заявил министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар в марте 2025 года.

И отказываться от неё они не хотят, поскольку она приносит огромные преимущества. Когда я был в Индии, молодые индийцы с большим энтузиазмом рассказывали мне об этой системе и говорили, как гордятся ею. Она уже становится частью финансовой системы Глобального Юга, которая будет развиваться, становиться более зрелой и, возможно, со временем превратится в действительно конкурентоспособную альтернативу. Ведь нам нужна именно настоящая конкуренция. Конкуренция между валютами, между платёжными системами — между чем угодно. Пусть они конкурируют. Если вы капиталисты, почему тогда нет конкуренции? Пусть она начнётся. И посмотрим, к чему это приведёт.

Одним из наиболее интересных предложений, появившихся в рамках БРИКС в последние годы, стала зерновая биржа, инициированная Россией. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), на страны блока приходится 61% мирового производства риса, 48% сои, 47% пшеницы и 42% кукурузы, а с учётом стран-партнёров доля по рису возрастает до 72%. Тем не менее от 80 до 90% торговли сельскохозяйственными и энергетическими товарами по-прежнему рассчитывается в долларах США. Что необходимо для того, чтобы начать менять эту ситуацию?

Здесь нет волшебной палочки. Нельзя сказать, что странам БРИКС достаточно сделать что-то одно — и проблема будет решена. Создадите зерновую биржу — решит ли это вопрос? На самом деле нет, потому что дело не только в самой платформе и даже не в институционализации, а в торговых потоках и в том, в какой валюте они номинированы. Самый фундаментальный фактор — интенсивность торговли: чем активнее развивается торговля между странами Глобального Юга, тем больше возможностей у этих стран начинать номинировать расчёты в собственных валютах.

Существует аргумент, что для создания валюты БРИКС сначала должен сформироваться значительный объём торговли между экономиками стран блока. Отчасти это верно, хотя на начальном этапе валютного проекта это, строго говоря, не столь необходимо. Но если речь идёт о том, чтобы большая доля торговли была номинирована в национальных валютах, тогда да: интенсивность торговых связей действительно имеет большое значение.

А что касается институциональной стороны? Какие инструменты необходимо было бы создать?

Нам необходимо создать те же инструменты, которые существуют в современной финансовой системе: фьючерсные контракты, деривативы и инструменты хеджирования, позволяющие участникам рынка защищаться от рисков. Смысл хеджирования заключается в том, что вы приобретаете инструмент, который защищает вас от резких изменений стоимости товара. Если цена товара падает, у вас есть инструмент, стоимость которого движется в противоположном направлении и тем самым компенсирует эти потери. По сути, это своего рода страховка.

Институционализация тоже имеет значение. Зерновая биржа позволяет Глобальному Югу заявить о себе через собственный институт. Но ей предстоит конкурировать с уже устоявшимися структурами, за которыми стоят десятилетия — а возможно, и больше — сложившейся торговой практики. Например, с Чикагской товарной биржей. В этих торговых потоках очень велика инерция, и с ней тоже приходится конкурировать.

На всё это требуется время. Институциональное развитие не происходит мгновенно; торговые потоки обладают собственной инерцией; а решение перейти к расчётам в другой валюте после десятилетий работы по привычной схеме сталкивается со множеством препятствий — и, вероятно, именно инерция является самым сильным из них. Именно поэтому необходимо действовать одновременно по нескольким направлениям. А для этого требуется определённая степень сплочённости и согласия, которых, по всей видимости, пока не хватает.

Здесь, в России, я совершенно ясно вижу, что у проекта зерновой биржи есть и импульс, и поддержка, и даже определённое стратегическое видение. По глубине проработки это один из наиболее продвинутых проектов. Но если он должен стать инициативой БРИКС, его необходимо согласовать с другими участниками объединения.

Такие экономисты, как Вы, Паулу Ногейра Батиста-младший и Алексей Можин — оба в прошлом исполнительные директора МВФ, — уже много лет развивают идею новой резервной валюты БРИКС. Как она могла бы быть создана и какие основные трудности стоят на этом пути?

Эти идеи начали оформляться в 2017–2018 годах. Тогда я называл эту концепцию R5, или R5+, а моя первая статья была посвящена исключительно использованию национальных валют стран БРИКС.

Именно Вы придумали ставшее известным название «R5»?

Да. В 2017 году была опубликована [первая статья о R5](#) — как об инициативе по использованию национальных валют в операциях Нового банка развития (НБР) и региональных банков развития.

В 2018 году [в статье](#) для южноафриканского журнала *The Thinker* я писал о необходимости изучать новые идеи — хотя тогда сама идея валюты БРИКС казалась несколько нереалистичной. Я предлагал всё же рассмотреть такую возможность, поскольку национальные валюты стран БРИКС являются наиболее ликвидными среди валют Глобального Юга.

Можно ли было бы, например, создать валютную корзину по образцу специальных прав заимствования (СДР) — расчётной единицы МВФ, — объединив в ней эти валюты с различными весами? В 2018 году это была, по сути, всего одна мысль, изложенная в одном абзаце. Затем последовали четыре года тишины, пока [в 2022 году эта идея не была вновь возвращена в повестку](#).

Алексей Можин, который, к сожалению, ушёл из жизни в этом году, сыграл ключевую роль в том, чтобы подхватить эту идею и концептуально её развить. В ряде интервью он уже называл конкретные веса отдельных валют в такой корзине и объяснял, насколько просто было бы запустить проект на начальном этапе — разумеется, не в виде физической валюты, а в качестве расчётной единицы, подобно Европейской валютной единице (ЕКУ), которую Европейский союз использовал до введения евро. С операционной точки зрения всё довольно просто: вместо того чтобы проводить все операции и учитывать их в долларах, расчёты можно вести не в СДР, а в составной валюте Глобального Юга — R5.

Следующий этап развития этой идеи во многом был связан с Алексеем Можиным и Паулу Ногейрой Батистой-младшим. В своём последнем докладе для Валдайского клуба Паулу представил наиболее масштабное, всестороннее и актуальное исследование по этой теме — именно то, о необходимости которого говорил президент Луис Инасиу Лула да Силва в 2023 году. И надо сказать, что с тех пор подобных исследований было проведено совсем немного. Этот доклад уже содержит все признаки полноценного предложения, способного превратить то, что прежде было скорее стремлением и концептуальным видением, в реально функционирующий инструмент — по крайней мере в виде расчётной единицы, существующей в форме цифровой валюты.

Но, похоже, предложение о создании резервной валюты БРИКС пока снято с повестки переговоров, не так ли? Какой следующий шаг сейчас представляется вам наиболее реалистичным?

Одно из направлений, которое, вероятно, будет прорабатываться дальше, — цифровые валюты центральных банков. Если общая валюта всё же будет создана, то, скорее всего, основой станет именно тот подход, который сегодня готова поддержать Индия: обеспечение совместимости и взаимодействия между национальными цифровыми валютами.

Вопреки моим ожиданиям — и ожиданиям многих наблюдателей — Индия фактически начала активно продвигать среди всех центральных банков стран БРИКС дискуссию о совместимости этих цифровых валют. При этом речь не идёт о создании общей валюты, против которой, как они утверждают, выступают. Но это вполне приемлемо, поскольку этап обеспечения совместимости имеет ключевое значение для платёжной системы и проведения транзакций. По сути, речь идёт о том, чтобы соединить между собой цифровые валюты разных стран.

На практике это могло бы стать альтернативой SWIFT — системе обмена финансовыми сообщениями, которая связывает большинство банков мира?

Да, именно так. Это пока ещё не единая валюта. Но такая система уже развивается как часть платёжной инфраструктуры, призванной снизить издержки. По сути, это чисто коммерческий проект. И, конечно, в дальнейшем он откроет возможности для множества новых решений.

Как вы думаете, об этом могут объявить уже сейчас, на саммите в Нью-Дели?

Возможно. Судя по тому, что я слышу, сейчас идут очень интенсивные обсуждения, в том числе на уровне центральных банков и экспертов. Недавно проходили официальные встречи представителей центробанков, на которых, насколько я

понимаю, этот вопрос также обсуждался. Когда я это увидел, сначала даже не поверил. Но, похоже, кому-то всё-таки удалось убедить их в перспективности идеи цифровой валюты.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Интервью Лиссоволик, Ярослав Россия БРИКС

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)